

Николай ФОМЕНКО

Николай Николаевич Фоменко родился в 1953 году в г. Россошь Воронежской области. Окончил театрально-декорационное отделение Ростовского художественного училища им. М.Б. Грекова. С 1978 года живёт в Артёмовске Донецкой области. Рассказы публиковались в журналах «Союз Писателей», «Новый мир», Esquire (Украина), «Новый журнал», «Крещатик», «Отражение» и др. Лауреат литературной премии имени О.Генри «Дары волхвов» (2011), литконкурса «Русский Stil» (2012), В «Волге» публиковались рассказы (2016, № 1-2; 2017, № 9-10; 2019, № 1-2).

РАССКАЗЫ

Компьютерщик и черешня

В моём ноутбуке стояла устаревшая программа икспишка. Обновления на неё не поступали, но мне было всё равно – к чему пишущей машинке обновления. Потом вырубился скайп. Не то чтобы он мне был очень нужен, но я привык, что у меня есть скайп, а расставаться с привычками тяжело. Поэтому я решил, что завести новую программу необходимо, но как-нибудь потом, не сразу. «Потом» обладает таким магическим действием, ничем не меньшим, чем опиум. Сказал себе «потом» – и всё, можешь спокойно ничего не делать, и совесть твоя будет чиста, ведь ты же не отказываешься от действия в принципе, просто произведёшь его потом. Когда «потом» перестаёт действовать, его можно заменить на «завтра». Тоже чудодейственный способ успокоить свою активность. В сущности, завтра наступить не может, ибо каждое утро выясняется, что оно уже наступившее сегодня, и завтра, естественно, переносится. И может переноситься довольно долго, особенно если рядом с вами нет какой-либо особы, которая бы контролировала употребляемые вами средства. Рядом со мной такой особы не было. Вернее, она была и имела ко мне непосредственное отношение, как всякая жена, с которой прожито без малого сорок лет. Но вот ноутбук её никак не касался. В этом смысле, между ноутбуком и мной, жена отсутствовала как передаточный механизм, и я мог говорить «завтра» непосредственно ноутбуку, и кормил бы его завтраками ещё долго, естественно, мучаясь угрызениями совести, обзывая себя разными словами и вспоминая недоброе слово родителей, наделивших меня таким количеством слабостей, что моя жизнь превратилась в кошмар, если бы случайно не встретил на улице знакомого компьютерщика. Я рассказал ему о возникшей проблеме, потому что степень нашего знакомства предполагала при встрече попиздеть. «А сколько лет вашему ноутбуку», – деликатно поинтересовался компьютерщик. Я почувствовал себя женщиной, у которой спрашивают о возрасте, и застенчиво ответил: «десять». «Оу, боюсь могут возникнуть проблемы, но можно попробовать. Приносите, посмотрим», – сказал он. Я облегчённо вздохнул, не потому, что «можно попробовать», а потому, что «приносите» было так же замечательно, как завтра. То есть это принесение можно откладывать неопределённо долго, тем более что шаг вперёд сделан, что весьма существенно для самореабилитации. Но тут во мне заговорило неудобное чувство ответственности. Дело перестало касаться меня и ноутбука. Между нами встал третий, и учитывать этот факт было ещё одной моей слабостью. Вдруг человек сидит и ждёт, когда я принесу ноутбук. Думает обо мне всякие нехорошие вещи. «Должен» как раковая опухоль набухло во мне, заглушив успокоительное действие «потом». «Я должен, я обещал...» Надо же было ему встретиться. Я уложил ноутбук в портфель и пошёл к компьютерщику. Естественно, он меня не ждал, но вспомнил о нашем разговоре. «Хорошо, оставляйте». Получалось как-то сухо и слишком по-деловому. Нет, может быть, всё было правильно, но я чувствовал какую-то неловкость, словно я должен его поцеловать и не могу решиться на это. Моя

неловкость, видимо, передалась компьютерщику, и он начал объяснять мне, что для новой программы в моём ноутбуке может не хватить памяти. Всё-таки компьютеры в этом отношении удобней – в них можно заменить жёсткий диск и вообще поменять всё на свете. «Компьютеры слишком гудят», – возразил я, решив, что компьютерщик набивает цену. «Вы, наверно, имели дело с очень старыми компьютерами», – слегка картавя, ответил он, что вовсе не свидетельствовало о его национальности. Картавость присуща не только евреям, но многим умным людям. Самое время было спросить о цене, но я стеснялся это сделать: два умных человека, вдруг, начнут говорить о деньгах. Как-то это было унижительно и пошло. К тому же умный человек, каким мне следовало казаться, сам должен понимать, о какой услуге он просит и чего она стоит. Компьютерщик, видимо, думал так же, и тоже ничего не говорил о деньгах. Но оба мы думали именно о деньгах, поэтому с каждой минутой нам было всё труднее, и мы были рады, вдруг, исчезнуть с глаз друг друга. Как это сделать, если вежливость всё же требовала что-то сказать на прощание? Я вспомнил, что можно спросить, когда будет готово, и, получив ответ, раскланяться. «Много работы. Думаю, не раньше следующей недели». Я почти не слушал, потому что для меня было важнее скорее уйти. «Хорошо, я позвоню», – ответил я и непринуждённо, может быть, даже развязно направился к двери. На улице почувствовал, что вспотел. Облегчённо вздохнул и словно в невесомости прошёл по тротуару метров пятьсот.

По утрам, обычно, моей обязанностью было купить хлеб и что-нибудь по мелочам. Делал я это с удовольствием, не потому что любил покупать. Скорее наоборот, я терпеть не мог магазины и от общения с продавцами всякий раз получал лёгкий стресс, но сами прогулки от дома в магазин и обратно были замечательны, несмотря на капризы погоды. В этот раз погода была превосходная, и я пришёл в магазин в рассеянном состоянии. Сволочи продавцы сразу замечают таких покупателей. Ага, дорогуша, а ну-ка, иди к нам. В рыбном отделе я увидел балтийскую килькупряного посола по сорок восемь гривен за килограмм. Обо всём этом я узнал из ценника, потому что была ли килька балтийской, она сказать не могла. За прилавком продавщица производила манипуляции с товаром, обветрившиеся образцы прятались вниз, а наверх выкладывалось что-нибудь свежее. Продавщица выпрямилась, взглянула на меня, всё поняла и хищно ослабилась, выковыривая что-то между зубов, может быть, остатки предыдущего покупателя. Выковырив, она спросила: «Что вам?» – «Сто пятьдесят граммов килькипряного посола». Если бы лицо продавщицы принадлежало мужчине, о нём можно было бы сказать, что оно мужественное, женщина с таким лицом, скорее всего, алкашка и блядь. Может быть в прошлом, но это мало что меняет. Она взвесила горсть балтийской кильки, ткнула пальцем в калькулятор. Двенадцать гривен тридцать копеек. Первое ощущение было не удивления, скорее оторопи. Неужели? Она, естественно, увидела это «неужели» и, несколько повышая голос, придавая ему полновесность и твёрдость, повторила: «Двенадцать гривен тридцать копеек». «Вдруг она права, на кого я буду похож со своими претензиями», – мелькнуло в моей голове, и я расплатился. В меня словно налили горячей воды, как в грелку, и накрепко закрутили пробку. Я шёл и нагревался. Пробовал несколько раз посчитать в надежде, что моё огорчение напрасно, но каждый раз выходило, что сто пятьдесят граммов кильки никак не могли стоить дороже восьми гривен. В какой-то момент это стало мне настолько очевидно, что я задохнулся от возмущения, остановился, собираясь вернуться в магазин. Она не просто меня надурила. Надурила – это там копеек на пятьдесят, пусть на гривну, а она не надурила, она, сучка, блядь, размазала меня, как сопливого мальчишку. Сердце скакало, словно кто-то играл им в баскетбол. Стоп. Четыре гривны. При покупке в сорок, тридцать гривен ты бы их и не заметил. Неужели, покупая пиво, я думал бы о четырёх гривнах? Да разве дело в гривнах? Я вспоминал её пропитую рожу, я представлял, как возвращаюсь в магазин и, не говоря ни слова, бью её пакетом с килькой по морде. Раз, два, три. Все смотрят на меня, особенно продавцы с других отделов. Нет. Подумают, что я какой-то бандит, ненормальный, что у

меня не все дома. Надо вернуться и сказать ей: «Сучка ты бессовестная, проститутка, тебя завтра же здесь не будет». Как-то по хамски, не интеллигентно, подумают – барыга. Надо вот как: спокойно войти, посмотреть ей в глаза, положить кильку на прилавок и, молча уйти, и больше никогда ничего у неё не покупать. Она подумает: надо же какой, что-то я совсем охамела. Конечно! Не чуди. Я снова шёл домой. Да, наебала, как минимум на четыре гривны, на треть, больше чем на тридцать процентов. Таким идиотам, как ты, нельзя выходить из дома. Почему я не живу в какой-нибудь глуши, где нет этих блядских продавщиц. Я представил себе утро в сосновом бору. Ау? Где бы я брал хлеб? Стерва. Подкараулить её после смены и изнасиловать. Тут мне пришло в голову сравнить свои переживания с мыслями нормальных людей. Что бы думал на моём месте нормальный мужик? Нормальный мужик ещё у прилавка посчитал бы в одну секунду и не страдал бы хернёй. Я представил, как он говорит ей: «А ну-ка, посчитай получше, а то я тебе твой калькулятор в жопу заткну». Да. Что остаётся делать мне? Забыть. Не хватало из-за четырёх гривен получить инфаркт. Весь оставшийся путь, который я не заметил, уговаривал себя забыть и уж, во всяком случае, не рассказывать жене. Она же скажет: «Ты не мог посчитать?» Да, не мог. Сразу в уме не мог. В следующий раз надо считать заранее, хотя бы приблизительно. Я пришёл домой, терпел минут десять, но потом, как энурез – полилось: «Представляешь, эта сучка в рыбном отделе надула меня на четыре гривны. На ста пятидесяти граммах кильки». – «Что же ты не посчитал? В какую цену килька?» – «По сорок восемь». – «Ну и, четыре восемьдесят и ещё половина – два сорок – семь двадцать, пусть пакет ещё двадцать, а ты сколько заплатил?» – «Двенадцать». О тридцати копейках и язык не повернулся сказать. «Надо было вернуться и потребовать пересчитать». Больше всего злило её спокойствие. Лучше бы она обозвала дураком. Я бы в ответ тоже ей что-нибудь сказал. А так никакого облегчения. Килька оказалась вкусной, но удовольствия её есть не было, так что, можно сказать, пропало не только четыре гривны, но все двенадцать и ещё тридцать копеек.

Двор девятиэтажки был проходной. Даже дорожка была наискось, выложенная плиткой. Так что какие-то особенные вещи, предназначенные только для жильцов этого дома: беседка, площадка для сушки белья, пара детских качелей выглядели странно. Через двор за день проходили толпы людей, и каждый мог зайти в беседку, сесть на скамейку и повесить на верёвку какую-нибудь тряпку. Ещё более странно было обитание во дворе двух прикормленных жильцами бездомных псов, которые без усталости облаивали прохожих, особенно мужчин, по их мнению, неопрятно одетых, плохо причёсанных и вонявших алкоголем. Понятно, что это были не только бичи, но и вполне приличные люди, потерявшие к себе интерес. За таких людей было обидно и досадно на псов: сами-то они не особенно respectable образа жизни. Я не люблю собак вообще, что бы мне о них не говорили. Когда на меня лает собака, да ещё с остервенением бросается под ноги, я просто теряю здравый смысл и превращаюсь в испуганного идиота. Хорошо, если в этот момент меня никто не видит и не слышит, но бывает, что вокруг полно людей. По козлиному подпрыгивать, изгибаться, истерично материться, срывая ногти, выковыривать из земли камни, размахивать пакетом или портфелем, прижиматься к ограде на глазах у дам и детей, знакомых и незнакомых стыдно, неловко и непростительно. Становиться смешным и жалким из-за какой-то твари. Говорят, что собак не надо бояться, тогда они не будут к вам агрессивны. Ну, знаете, существуют тысячи жизненных правил и рекомендаций, касающихся людей, и я ещё должен думать, как мне выстроить отношения с собаками, причём чужими собаками, к которым я не имею и не хочу иметь никакого отношения. Не правильнее ли любителям собак думать о людях, чем людям о собаках. Я бы нисколько не огорчился, если бы в один прекрасный день все эти милые создания исчезли к чёртовой матери, во всяком случае, из городов, где им совершенно не место. Глядя на разнообразие пород всех этих кошечек, собачек и прочих домашних животных просто удивляешься, как это люди избежали соблазна таким же образом выводить породы самих людей. Несколько сот лет селекции – и вот вам порода боксёров с маленькими

головами и огромными кулаками, пианистов с десятью пальцами на каждой руке, военных с пониженным болевым порогом, учёных с мозгом величиною с астраханский арбуз. Вполне разумная альтернатива, потому что сегодня мы все похожи на безродных дворовых псов, непонятно к чему предназначенных, живущих с единственной целью – получить как можно больше удовольствий. Никто не задумывается, что там родится в результате того или иного спаривания. Процесс поставлен на самотёк, что, в общем, достаточно удивительно для человечества, давно занимающегося селекцией. Хорошо, если бы была специально выведенная порода продавцов, генетически не способная хамить, ловкая, точная, с приятной внешностью или врачей, чувствующих состояние больного, как своё собственное. Удивительно, что в этом нет ничего фантастического, и невольно закрадывается мысль, что, может быть, всё впереди, и мы доживаем последнее столетие своего дикого генетического развития. В таком случае у таких, как я, будущего, безусловно, нет. Очень нерационально быть мнительным и робким. Я думаю, эти гены отбракуют в первую очередь, и правильно сделают, потому что жить с ними одно мучение.

Собаки обратили на меня внимание ещё издали, хотя, как мне казалось, одет я был прилично. Возможно, подвела сутулость, из-за которой человек выглядит неуверенным, жалким и незащитным. Они с рыком бросились в мою сторону, не обращая внимания на других прохожих. Мои нервы, как пена в жирном бульоне, подняли крышку, и я завопил, что, блядь, когда-нибудь убью этих собак вместе с теми, кто их кормит. Никого мои крики особенно не заинтересовали, кроме бабушки с внуком лет пяти. Они, видимо, гуляли и от нечего делать остановились, и глядели на меня с ошеломлением, как на тонущий корабль. Мельком я успел увидеть их любопытный и слегка скорбный взгляд и подумал, что они могут принять мои угрозы на свой счёт, и в ту же минуту мне стало неловко и стыдно, тем более что собаки и не думали меня кусать. Облаяв, они потрусили к двери дворника, возле которой лежала гора картонного хлама, разбросаны обглоданные кости, и стояла большая грязная миска. Шерсть на обеих собаках была такого неопределённого цвета, что, улёгшись, они были похожи на старые половые тряпки. Вообще, матом я почти не ругаюсь. Всё-таки, мне кажется это неприличным, тем более из моих уст мат звучит, как мне кажется, неубедительно, потому что за матом должна следовать твёрдость позиции, которая, увы, мне не свойственна. Без природной естественной брутальности мат теряет свою органичность, превращаясь в истеричность. Поэтому он так отвратителен, когда ругаются молодые женщины и дети. Дядя закатил истерику, подумал я о себе, представляя мысли умного ребёнка, глядевшего, как я отмахивался от собак. Можно не быть интеллигентом, но быть им наполовину или две трети омерзительно. Это всё равно что выстричь на голове только часть волос. Я шёл покрасневший, как школьник, получивший двойку. Я видел себя в глазах деда полным ничтожеством, позволившим себе такое, за что нужно наказывать. Мне представилось, как через несколько дней мы встречаемся с ним, и этот крепкий старичок берёт меня за шиворот и угрожающе спрашивает: «Так что ты там орал, кого это собрался убивать?» Он ниже меня ростом, но у него крепкие руки, жесткий взгляд и непоколебимость в своих намерениях. И мне самому кажется, что он прав, хотя ужасно хочется найти себе оправдание. В ответ я бы должен был взять ружьё, которого у меня нет, к сожалению, и в самом деле перестрелять ночью этих собак. Тогда дед понял бы, с кем имеет дело. Надо же случиться такому несчастному характеру: на меня набросились собаки, и я же чувствую себя виноватым, но ведь разве нельзя было сдержаться и не материться при ребёнке. День не то чтобы был испорчен – он словно зуб, на котором появился кариес. Происшествие, как сладкое, будоражило нерв.

Зато история с килькой уже не царапалась. Людей в магазине было немного. Кажется, я купил хлеб и две булки. В дверях я перед кем-то посторонился, перехватил ручку и, уже отпуская, оглянулся. За мною торопилась молодая женщина с пакетом яиц в руках, и в тот момент, когда двери выскользнули из моих рук, ей пришлось броситься на них плечом. Я был очень огорчён, что не догадался придержать дверь, и извинился

искренне с раскаянием, удручённым виноватым голосом, как мне казалось. Женщина отвернула от меня своё хорошее молоденькое лицо, вздёрнула подбородок и пренебрежительно сказала: «Понятно». То есть понятно, что ты козёл. Ей было совсем немного лет, может быть двадцать пять, но, может быть и тридцать. Люди сейчас часто выглядят моложе своих лет, потому что нет нужды изнурительно трудиться. В любом случае, я для неё человек пожилой, старик. Я так искренне раскаивался в своём поступке, совершенно непреднамеренном, я извинился перед ней, девчонкой, ссыкухой. Даже если бы она промолчала, я не подумал бы о ней ничего плохого, но это высокомерное «понятно»... Сучка, стерва. Разве можно перед такими людьми извиняться! Откуда такое берётся? Разве это должно быть в людях? Если бы селекция отбраковывала особей с хамским поведением, неужели это было бы плохо. «Понятно» всё повторялось и повторялось во мне. Я возвращался к тому моменту, когда прозвучало «понятно», я видел её почти детский острый подбородок, быстрые небрежные движения. Наверно, дома ещё и расскажет, как какой-то придурок старик едва ей не перебил дверь яйца. Потом извинялся, старый козёл, как будто кому-то нужны его извинения. Да, безусловно, это порода людей, выведенная естественным отбором. Природа сама определяет, какие качества нужны для выживания. Эта особь сумеет постоять за себя, блядь. А ты быстрее вымирай, как дурацкий травоядный динозавр. Пришло время мелких злых хищников. Домой я вернулся расстроенный и молчаливый. Можно было бы рассказать жене, но о чём тут рассказывать? Что меня обидела какая-то девчонка? Смешно. Разговорился я только к вечеру. Так как идея селекции не выходила у меня из головы, я рассказал о ней жене.

– Представляешь, если бы люди всерьёз занялись этим, можно было бы вывести забавных симпатичных человечков с длинной шерстью, или здоровенных лысых секьюрити, или породистых самок и одного самца производителя на квартал или район. Человечество всё время стремилось к контролируемым процессам, а тут какая-то совершенная дыра. Деторождение пущено на самотёк. Девяносто девять процентов детей рождаются случайно, от случайно сблизившихся пар. Разве не так. Да взять хотя бы нас с тобой. Оба наши ребёнка зачаты абсолютно случайно по стечению обстоятельств.

– Прекрати. Несёшь какую-то ерунду. Ты лучше посмотри, в нашей спальне на потолке появилась трещина, – сказала жена.

– Где?

– В спальне.

Я подумал, что мы с женой за всю жизнь никогда не говорили о серьёзных вещах. Ремонт, деньги, отпуск, работа, а вот чтобы о смысле жизни, о религии, социальных процессах... Нет. Моя жена умна настолько, что ей не нужно казаться умной. Женщинам в этом отношении намного проще, потому что никто и не требует от них ума. Не противна – и слава богу. Это мужчине обязательно нужен ум, как козлу рога, для бодания друг с другом. Демонстрация ума для мужчины что-то вроде брачного ритуала. Поэтому, когда самка покорена, в рогах отпадает всякая необходимость, и самцы сбрасывают их, чтобы они не мешали пастись. Правда, лоб у некоторых продолжает чесаться, и тогда они бьются головами, не понимая, что со стороны это выглядит нелепо. Иногда моей жене не удаётся скрыть, что она умна: к месту вставит мудрёную пословицу или вспомнит четверостишие, о котором я и не слышал, настоят на чём-нибудь, что потом приносит семье большую пользу, но всё это как-то невзначай, так, что этого можно и не заметить.

Я пошёл в спальню и посмотрел на трещину. Обычная трещина, причём не одна. Затевать из-за них ремонт, одна мысль о котором вызывает тоску, не хочется.

– Увидел? – спросила жена.

– Увидел, – ответил я совершенно нейтрально, чтобы нельзя было понять о моих дальнейших намерениях. Жена промолчала. Умна, стерва.

А я, как идиот, продолжал думать о селекции. Мне пришло в голову, что меня могут обвинить в фашизме, потому что всякая рациональная идея почему-то всегда смахивает на фашизм. Может быть, потому, что для реализации обычно предполагается

насилие. Но я как раз его не предполагаю, я за равенство между будущими породами, хотя как можно гарантировать, что сторожевых людей не придётся посадить на цепь, иначе они могут передавить всех остальных. Одним словом, горе от ума. Или от глупости? Я-то знаю, что я глуп. Я из породы чайников, которая вряд ли могла бы заинтересовать селекционеров.

Ноутбука не хватало. На меня навалились горы свободного неконтролируемого времени, в котором я барахтался, как муха в киселе, но своим, может быть, преждевременным звонком мне не хотелось показаться назойливым, поэтому я терпел, и терпеть даже было легче, чем решиться на звонок. Таким образом, я дождался, что позвонил компьютерщик. «Ну, что, хочу вас обрадовать – всё получилось. Можете забрать свой ноутбук». Говорить о деньгах по телефону оказалось намного легче. Он назвал сумму, не преминув добавить, что обычно берут больше. Что было необычного в нашем случае, он не сказал. Мне почему-то всегда казалось, что одних денег недостаточно, что их обезличенность не может выразить всю степень благодарности, поэтому, расплачиваясь, я всегда чувствовал себя неловко, словно я недоплачиваю. Я лепетал всякие благодарности, расшаркивался, и от этого могло показаться, что я в самом деле недоплатил, что с меня можно было взять больше. Мне мерещилось, что получатель моих денег оставался недоволен. У продавцов недовольное выражение лица – маска ампула, как в античном театре. К этому я привык. Во всех других случаях я, видимо, всё выдумывал, но это не умаляло моих переживаний. Я собрался и пошёл к компьютерщику. На улице стоял май, и погода была как в раю. Вечерело, пахло сиренью, в небе кружились ласточки, и всё это жило какой-то параллельной жизнью, в которой не было ни ноутбуков, ни денег, ни моих переживаний, да и я сам, и все эти наши дома, машины, всё это как-то навязано природе, и она не знает, что с этим делать, хотя мы ей очень мешаем.

– На диске D осталось мало памяти, но я не стал чистить, чтобы не уничтожить что-нибудь важное для вас. Вы сможете сами почистить? Это необходимо сделать.

– Да, – не задумываясь, ответил я. Меня больше беспокоила передача денег. – Вот, – я протянул двести гривен. – Возьмите.

Компьютерщик, не взглянув на купюры, спрятал их в кармане. Повисла пауза.

– Я думаю, он вам ещё послужит, – сказал компьютерщик пустую фразу.

– Да, спасибо, большое спасибо, – меня понесло, – вы сделали для меня большое дело.

– Пустяки.

– Может быть, для вас и пустяки, а я так ни черта не понимаю в этих программах.

– Ничего сложного.

– Ещё раз большое спасибо.

– Если что, приходите.

– Да, конечно, обязательно. Знаете что, как только поспеет черешня, у меня на даче хорошая черешня, я вам принесу ведро.

В самом деле, что мне стоит принести ему ведро черешни, когда каждый год приходится тратить уйму сахара на никому не нужные компоты, раздавать соседям. А тут, может быть, и в самом деле придётся ещё обратиться. Компьютерщик пожал плечами, но возражать не стал, и я подумал, что моё предложение оказалось вполне уместным. Довольный собой, я вышел на улицу. Ах, май, благословенный май. Довольно быстро он закончился. В момент созревания черешни пошли дожди. На листьях завелась тля, и черешня в этот раз сгнила прямо на дереве, не успев как следует созреть. Каждый год она своим урожаем приносила уйму забот, так что я испытывал раздвоенное чувство: огорчение и удовлетворение одновременно. И только одно было определённо – я совершеннейший дурак. Кто же делит шкуру убитого медведя. Что теперь делать с обещанием принести компьютерщику ведро черешни? Он не мог не знать, что черешня в принципе уже созрела, и, может быть, не торопится покупать на базаре в надежде на моё обещание. Дёрнул меня чёрт за язык. Я, конечно, не мог помнить об этой ситуации

ежеминутно, но время от времени возникала какая-то неопределённая тоска. Поковырявшись в себе, я сознавал, что причина тоски в невыполненном обещании. Чувство вины, словно гастрит, испортило качество жизни. С этим надо было что-то делать, пока черешня совсем не отошла и моя вина не стала непоправимой. Ничего не оставалось, как позвонить и извиниться. Что тут такого. Многие жалуются на неурожай черешни в этом году. Об этом говорят. Так что компьютерщик должен знать и без моего звонка. Позвонить, чтобы была полная определённость, чтобы он знал, что я не забыл о своём обещании. Но стоило мне представить этот звонок, свой дурацкий извиняющийся голос, как я сразу принимал решение отложить звонок на следующий день, усугубляя свои переживания. Что-то было в моём положении неприличное, мелочное, я совершенно не нравился себе в этой ситуации. Мучила пустяковость проблемы и неспособность её решить легко и красиво, как это бы сделал на моём месте нормальный человек. Какое собственно дело компьютерщику до того, что черешня сгнила, ведь я же не говорил, что принесу в том случае, если не сгниёт. Умный, сильный, правильный, достойный человек должен разбиться, но исполнить своё обещание, а все эти оправдания для человека слабенького, плывущего по течению. «Извините, черешня сгнила». Тошно представить. Мелькнуло благородное, почти рыцарское решение, я куплю ведро черешни и отнесу компьютерщику. Я представил, что уже сделал это. Чёрт возьми, вот это по-настоящему, красиво. Потом я узнал, что килограмм черешни стоит сорок гривен. Чтобы наполнить даже небольшое ведро, понадобится килограммов семь, а это без малого триста гривен. За ремонт ноутбука я заплатил двести и ещё потрачу триста в качестве чаевых. Идиот. Полный идиот. Кто же после этого назовёт меня умным человеком. Так в том-то вся и красота. Красота в идиотизме. К тому же их ещё где-то надо взять, триста гривен, да так, чтобы не узнала жена. Вот уж кто не оценит такую красоту, так это жена. Я представил, как она повертит пальцем у виска. Да ну, к чёрту. Что тут такого, если я позвоню и скажу, что нет черешни, да и всё. Вот она мелочность, вот это она и есть, вот это и делает твою жизнь ничтожной. Нет, но здравый смысл должен быть? Элементарная логика должна быть? Если говорить об элементарной логике, то давно пора позвонить и сказать, что черешни в этом году нет. Ничего более логичного не придумаешь. Черешни на базаре становилось всё меньше, она уже поднялась в цене до шестидесяти гривен. Ни о какой красоте не могло быть и речи, но и бесследно исчезнуть я не мог. Компьютерщик превратился из приличного симпатичного человека в монстра. Неприятно было вспомнить его картавую речь, тонкую шею, странную бородёнку, словно выросшую на коленке. Дёрнул меня чёрт с ним связаться. Почему-то теперь я не сомневался, что он еврей, хотя я никогда не думал о евреях плохо. Я измучил себя и однажды вечером сел в кресло, взял в руки телефон, повертел его в руках и словно прыгнул с парашютом:

– Алло, здравствуйте. Я обещал вам черешню. Но так случилось, что в этом году она сгнила прямо на дереве. Кто бы мог такое предположить. Так что примите мои извинения.

Дух во мне спёрло. Я не был уверен, что парашют раскроется.

– О чём вы, какие пустяки. Да, многие говорят, что в этом году черешня не уродила. У меня самого когда-то была дача, и я знаю, что это такое.

– Но я обещал.

– Ничего. обойдётся без черешни. Как ноутбук – работает?

– Да, спасибо, всё в порядке.

– Ну и замечательно.

– Конечно, ещё раз извините.

– Что вы, какая ерунда.

– Вот что значит делить шкуру неубитого медведя.

– Природа есть природа.

– Да, да, ну, до свидания.

Я нажал на кнопку, зачем-то посмотрел на телефон. Надо же, как всё просто, а я мучился столько времени. Замечательный человек всё-таки этот компьютерщик.

Внучатый племянник

Неужели у меня не может быть богатой двоюродной бабушки, предположим, в Канаде, пережившей всех своих мыслимых и немыслимых родственников. Её вывезли за океан в одна тысяча девятьсот восемнадцатом году пятилетней лобастой девочкой в соломенной шляпке с широкими полями и красной лентой. А теперь у неё сто гектаров земли в лесопарковой зоне под Торонто и пансионат украинской диаспоры, в котором обычно отдыхают поляки и евреи, говорящие по-украински. Могу же я быть её внучатым племянником и единственным наследником. Сегодня ночью мне снилась Канада. Я уверен, что это была лесопарковая зона под Торонто.

– Здравствуйте, Константин Константинович.

Всё началось, наверно, ещё тогда, когда мне не дали собственного имени и назвали в честь отца.

– Здравствуйте.

Это я ответил Оксане Валерьевне. Я стараюсь не произносить ни её имя, ни отчество, потому что имя ей не идёт, а отчество трудно выговорить. К тому же она стерва, каких мало. В имени Оксана мне всегда слышится что-то глуповато целомудренное, что-то вяло думающее, большое, но мягкое, как подушка. Поэтому маленькая, состарившая стерва Оксаной быть не может, и для собственного употребления я всегда называю её на русский манер Ксенией. Слышите, как кисло, сколько специфического сучьего запаха. В этом я не могу ошибаться, потому что звук – моя профессия. Я работаю звукооператором во дворце культуры, а Оксана Валерьевна – бессменный руководитель культурной клоаки.

– Опаздываешь...

– Задержался.

– Задержаться могу я, а ты опаздываешь.

Мне пятьдесят, а мне всё ещё тыкают.

Я молча беру у дежурной ключ и иду в свой кабинет. Пока иду, верчу ключом, снимаю пальто – матерюсь, объясняю Оксане Валерьевне, какая она сука, как я её презираю, и что теперь у меня испорченное настроение на целый день. Минут пятнадцать я хожу по комнате, не в силах унять этот понос. И даже остановившись у окна, ничего в окне не вижу. Какое счастье, что мысли не материальны. Они бы разорвали меня. В сущности, из-за пустяка. Ну почему мне не свойственна ирония. Почему я не еврей... «Ах, Оксана Валерьевна, – сказал бы я, если бы был евреем, – я когда-нибудь опоздаю на собственные похороны». Она бы ничего не ответила, потому что тупая, а я бы спокойно сидел в кресле и уважал себя. Уважал, уважал... Идёт, с каких это пор ты стал уважать евреев? Если бы я был евреем, я бы уважал евреев. Да я и так их уважаю... но не люблю. Пусть бы и меня не любили, но знали бы, что я талантливее и умнее всех.

– Костик, помоги Саше столы в фойе занести. Сегодня конференция, ты не забыл?

– Не забыл. А кто мне поможет колонки на сцену поставить?

– С Сашей и поставите.

Костик... уже Костик... сразу Костик.

– Константин Константинович, ну что, пойдёмте...

– Не торопись... Нашли самого молодого.

– Это Валерьевна. Мне-то что.

– Вот именно, что тебе ничего. Доживёшь до моих лет, узнаешь.

– Ой, ой, как водку пить, так, наверно, старым себя не считаете?

– Ты не путай божий дар с яичницей. Водку надо уметь пить, а столы любой дурак понесёт. Я, может быть, всю жизнь учился (щёлк по горлу) этому делу.

– Ну и как, научились?
– А то ты не знаешь! Какие столы, откуда?
– С восемнадцатой.
– Не спеши исполнять. Начальству надо давать время подумать. Оно сейчас подумает и что-нибудь передумает, а мы уже натягаемся с этими столами. Потом тащи обратно. Иди покури.

– Я уже курил.
– Покури ещё. На работе курить не вредно.
– А сами не курите.
– Я мысленно курю. Представь, что у тебя нет мозгов, откуда бы ты знал, что ты куришь? Ты бы курил и не получал бы никакого удовольствия, потому что не понимал бы, что куришь. А вот если мозги есть, можно и не курить, а только думать, что куришь, и ловить кайф.

– Слышал я про это. Только не надо нас душить. Я не хочу жить мысленно.
– Иногда ничего другого и не остаётся. Иди, иди, кури.

– Ну, сколько ждать?
– Сейчас. Саня курить пошёл.
– Да что это за блядство такое – никого не допросишься, никого не заставишь.
– Не нервничайте, Оксана Валерье...еевна, ещё уйма времени.
– Причём тут время. Я сказала сейчас вынести в фойе столы.
– Сейчас и вынесем. С восемнадцатой?
– Да с восемнадцатой. Сколько их там – не помнишь?
– Не помню.
– Надо чтобы четыре стола стояло... Ты где шляешься. Я же сказала...
– Всё, уже идём. С восемнадцатой?
– Да с восемнадцатой. Что это такое, в конце концов!
– Нет, но в прошлый раз из двадцать первой выносили.
– Сегодня из двадцать первой нельзя брать – там уроки массажа будут.
– На столах?
– Тебе какое дело?
– Никакое.
– Вынесите столы, потом возьмёте в костюмерной глаженные скатерти.
– Для массажа?
– Для конференции... массаж вас не касается.
– Правда, хорошо, Константин Константинович, что массаж нас не касается?
– Конечно, хорошо. Только с такой работой, думаю, это уже ненадолго. Мало мне своих колонок, так ещё и столы таскай.

– Здравствуйте.

Это Лена, худрок. Вот она мне нравится. Не как женщина, конечно. Молоденькая, щупленькая настолько, что боишься даже смотреть на неё. Вдруг она от одного взгляда упадёт или поранится об него. Поэтому я стараюсь смотреть мягко, не прищуриваясь. При взгляде на неё я чувствую, как мои брови поднимаются вверх, а губы складываются в трубочку, чтобы сказать что-нибудь ласково-глупое.

Мы с Саней идём по лестнице вверх, а Лена спускается нам навстречу. На какую-то секунду мои глаза оказываются рядом с её грудью. Над вырезом кофточки бледненькая кожа с голубенькими жилками в костлявой ложбинке, напоминающей корпус каноэ. Изящное, подвижное, неустойчивое каноэ среди болотных кочек и чёрных омутов провинциальной культуры. Девочка, как мне тебя жалко. Поскорее бы выросли у тебя сиськи, чтобы было чем смягчать удары судьбы.

– К Валерьевне? – спросил Саша.

– К ней, – обречённо сказала она.
– Сейчас начнёт девку сношать, – грубо говорю я, чтобы придавить подступившую к горлу жалость.

- За что?
- За что-нибудь. Какая разница.
- Зачем?
- Надо же себя за что-то уважать.

Большое фойе с колоннадой и почерневшим паркетом только что вымыли, поэтому мокрые доски казались совсем чёрными. К уборщицам у меня давняя неприязнь, ещё со школы. Наступая на вымытые полы, я всегда чувствовал себя преступником, человеком, наносящим вред результатам труда другого человека. Поэтому мне всегда было проще, если в помещении было неубрано. Моя походка становилась увереннее, и сам я был увереннее, и встреча с уборщицей уже не грозила смущением и чувством вины перед нею. Мальчишкой я их просто боялся, теперь, конечно, не боюсь, но избегаю, и разговаривать с ними не люблю, потому что мне кажется, что я говорю виновато и заискивающе, и поэтому, скорее всего, у меня получается наоборот, развязно и высокомерно.

Мы идём по фойе, как по дну глубокого каньона. Но, если посмотреть вверх, может показаться, что это огромная пещера, потому что старые запаутиненные люстры с давно перегоревшими лампочками напоминают сталактиты. Вот уже лет двадцать их не касалась человеческая рука. Надо же было повесить люстры на такую высоту и не подумать, как к ним добраться. В вечернее время включались бра, когда в этом была необходимость.

Разминуться с уборщицами не удалось. Две немолодые Тани со швабрами и синими пластиковыми вёдрами ревниво смотрели на нашу обувь и пройденный нами путь по сырому паркету. Я инстинктивно оглянулся – следов от подошв, слава богу, не было.

- Привет, девчата. Трёте?
- Трём.
- Ну и хорошо.
- Кому, может быть, и хорошо, а нам не очень.
- Почему?
- Сам потри.
- Кто на что учился.
- А натаптывать все умеют.
- Нет, уборщицы сволочи, это точно.
- Ты ключ взял?
- Нет.
- А какого же хрена мы сюда припёрлись!
- Сейчас принесу.

Вторая половинка двери оказалась не закрытой на шпингалеты, и я вошёл в комнату без ключа. Из окна был виден двор соседнего дома. Женщина во дворе развешивала бельё. Ветер подхватывал концы простыней, но не мог с ними справиться, потому что они были мокрыми и тяжёлыми. Зато полы пёстрога халата на женщине так и подлетали вверх. Она успевала между делом одёрнуть их рукой; левой или правой, как было удобней, и один раз даже оглянулась на дворец культуры, словно почувствовала на себе мой взгляд. Я понимал, что сделала она это машинально, просто так, что кроме меня на неё могут глядеть из других окон, из других домов, но я всё равно принял поворот её головы на свой счёт и отошёл от окна.

- Во? – удивился Саня. – Что, не закрыто было?
- Почти. Какие берём?
- Все – их же всего четыре.
- Да? Действительно. Ну, ты сядь, покури.
- Не хочу я.
- Тогда посмотри в окно – там такая баба бельё вешает.

– Где?
– Во дворе. Напротив.
– Да нет там никого.
– Значит, уже повесила. Классная бабёнка была. Ветер так в попку ей и заглядывал.
– Классная... как можно было отсюда разглядеть?
– Потому и классная, что нельзя разглядеть. Издали они все хорошенькие... А потом ещё и сукой окажется. Нет, Сань, советую – только так, из окна, чтобы и запаха не было.

– Вам легко говорить.
– Обижаешь. Если хочешь знать, мне труднее, чем тебе, потому что ты можешь трахнуть и завтра, и послезавтра, а у меня послезавтра может и не быть.

Я снова подошёл к окну. Через соседний двор тянулся белый пунктир простыней, наволочек и полотенец. Белый пунктир на рыже-сером фоне межсезонья. Я опустил в старое грязное кресло, и все предметы вокруг меня сразу выросли, превратившись в длинноногих тварей. Из-под подоконника торчали отклеившиеся обои. Саша закрыл их спиной, облокотившись на подоконник.

– Покури.
– Не хочу. Сейчас Валерьевна прибежит... Зачем это нужно – выслушивать.
– У-у, какой ты щепетильный.
– А что, думаете приятно, когда тебя кроют. Я ведь тоже уже не мальчик.
– Ну, тогда понесли.

Мы вынесли столы, и пошли за скатертями. К костюмерше у меня не было никакого отношения, потому что в отличие от уборщиц я с костюмершами в жизни почти не сталкивался. Звукооператор и костюмерша – это, в общем, совершенно параллельные линии. Как женщина она меня тоже не интересует, если не считать сугубо умозрительного сравнения двух величин – её груди и собственной головы. Что ни говорите, но вес женщины, при всей демократичности взгляда на этот вопрос, не должен превышать веса тёлки, иначе невольно начинаешь сравнивать. Одним словом, за скатертями я шёл, зевая от скуки и осеннего уныния.

– Валюш, к тебе можно?
– Конечно, заходите.
– Мы за скатертями.
– Ой, я ещё не догладила – у меня стол был занят. Пока разобралась...
– А ты не оправдывайся – всё равно заложим.
– Вечно ты шутишь.
– Я шучу? Плохо ты меня знаешь. Я тайный агент. Мне приказано следить, чтобы ты не подшивала чужие брюки и не вшивала всему городу новые молнии.
– А как я проживу на эту зарплату?
– Как хочешь, так и живи, иначе мой меч – твоя голова с плеч. Короче, мы подождём. Где нам можно присесть?

– Да вот тут, – она смахнула со стульев ворох лоскутов.

Мы сели.

– Жаль, что у тебя курить нельзя.
– Курить нельзя – я от дыма задыхаюсь. Да и Валерьевна может нагряться.... Так ты же не куришь?
– Я-то не курю, а вот Саня... Видишь, он страдает.
– Пусть идёт покурить куда-нибудь.
– Куда же он без меня... он без меня пропадёт... заблудится.
– Я вижу, у тебя сегодня весёлое настроение.
– Почему-то тошно, как никогда.
– А сам шутишь.
– Потому и шучу.

Я заглянул за вырез и её платья. Здесь не было никакого каноя. Глаза провалились в узкую бездонную расщелину. Пришлось плотнее вжаться в стул, чтобы не свалиться туда. Она отвернулась с утыгом к столу, и я смотрел на ёрзающий у туловища локоть величиною с шар для боулинга. Какое же должно быть сердце в этой массе! Наверняка большое и доброе. Почему мы не любим толстущек, делая несчастными их и себя. А как хорошо бы было любить вот такую необъятную, наивную и добрую женщину. Между её грудей можно было бы утешиться от любого горя, можно было бы плакать там, утирая нос о душистую мягкую плоть, и никто бы не услышал твоих всхлипов, а ты, поплакав, засыпал бы, чмокая губами как ребёнок.

– Берите.

– Уже? Саш, возьми.

– Аккуратно, чтобы не помяли.

– Да, что ты, что ты!

Мы вышли.

– Вот женщина!

Саша недоверчиво посмотрел на меня и усмехнулся с иронией. Конечно, разве мог он знать, о чём я думал.

– Колонки когда будем ставить? – спросил он.

– Я позову, мне надо всё подготовить.

Вдали поднималась по лестнице Оксана Валерьевна. Она шла спокойно и величественно, как бог. Хозяйка, твою мать.

– Оксана Варельевна...

– Не туда, столы не туда поставили. Надо передвинуть вот к этой колонне.

– Я хотел спросить, сколько микрофонов на сцену?

– Один... или лучше два – один на стойке, а второй, радиомикрофон, положишь на стол в президиуме. Вот сюда столы. Петрова не видели?

– Нет. На стол... потом хер найдёшь, или уронят, уроды... Сань, ну я сейчас пойду, соберу шнуры, удлинители, и понесём.

– Хорошо.

На лестнице я снова встретил Лену. Мы двигались в обратном направлении, поэтому перед моим взглядом оказалась её голова с жёлтыми волосами и прозрачные уши.

– Ну, что? – не останавливаясь спросил я, и она, тоже не останавливаясь, ответила:

– Как всегда.

– Всё в говне? – я повернул голову. Лена уже была выше меня.

– Да, – вяло сказала она, исчезая из моего поля зрения.

Я зашёл в свой кабинет, заставленный чёрными ящиками динамиков. Половина из них были не рабочие. Открыл шкаф, намереваясь перебрать соединительные шнуры, но вдруг отвлёкся банальной мыслью о том, что все мы овцы и волки. Вот Лена стопроцентная овечка с засраной шерстью под хвостом. Её постригут раз-другой, а потом плюнут и зарежут. И я бестолковый баран. Эти мысли меня расстроили. Я сел в свое дерматиновое кресло с оборванным лоскутом на подлокотнике и печально уставился в угол комнаты.

Зашёл Саша, а я всё сидел в глубокомысленной позе, скованный ленью, разочарованием, клочками случайных воспоминаний, замечаний, предположений... Я даже не обратил на него внимания, и он, не дождавшись, когда я пошевелюсь, сказал:

– Ну что, понесём?

Я перевёл на него взгляд. Саша хороший малый, правда, прикидывается простачком. Такие вырастают незаметно – всё маленькие и маленькие, потом посмотришь, а он на голову выше.

– Сань, так ты на электрика учишься?

– На энергетика.

– А в чём разница?

- Энергетик – это электрик с дипломом.
- Я так и думал. Те же яйца, только в профиль.
- В общем, да.
- У нас так о звукорежиссерах говорили: те же звукооператоры, только с талантом.

Да. С та-лан-том... но это ерунда. Талант – вещь необязательная. Если у человека нет таланта, его ни в коем случае нельзя осуждать, и даже жалеть не надо. Наоборот, талантливых надо жалеть, потому что есть кретины, которые им завидуют. Думают, талантливому всё легко даётся. Всё, кроме жизни.

- Какие понесём?
- ...Самые большие.

В это время в комнату заглянул Сергей.

- Поможете? – грубо и сердито спросил он.
- Бог поможет. Здрасьте надо говорить.
- А мы что, не виделись? С Саней я здоровался. Скажи, Сань.
- Ладно. Захвати стойку, а потом и мы тебе... Что там?
- Щит на задник повесить.
- Про конференцию?
- Ну да. Заебали.

Сергей меня злил, а тут ещё на лестнице я больно ударился об угол динамика.

- Ёпэрэсэтэ, Серёга, твою мать. Из-за тебя.
- Прямо из-за меня?
- Конечно, идёшь тут, скулишь, самый несчастный.

Почему он меня злит? Может быть потому, что не пьёт, или потому, что от хронического гайморита у него противный голос. Более серьёзной причины нет. Когда-то я специально посвятил несколько часов рабочего времени, чтобы обдумать наши взаимоотношения. Сидел в кресле, жевал спичку, думал, думал...

И тут я зацепился за ящик ещё раз.

- Серёга, уйди ради бога, я из-за тебя убьюсь.
- Здравствуйте, Константин Константинович, – зычным голосом сказала наша певичка и руководитель детского вокального коллектива, пересекая фойе в направлении своей комнаты.

– Здравствуйте, Альбина Викторовна.

На моём лице образовалась идиотская гримаса, за которой я обычно скрываю своё истинное отношение к ней. Глядя, как я улыбаюсь и вежливо склоняю голову, она должна думать, что я думаю о ней то, что она думает о себе. А она думает, что она красивая, талантливая, умная, что её все уважают, все хотят и все боятся. Такое самомнение может поселиться только в совершенно пустой голове, потому что для него нужно слишком много места. Естественно, я её терпеть не могу, но не за это. Дело в том, что она самая настоящая блядь, а бляди хорошо знают мужские слабости. Практически они знают о мужчинах всё, поэтому когда она смотрит на тебя своими блядскими глазами, кажется, что видит сквозь брюки твои обвисшие в этот момент яйца. Мне это не нравится.

– Тащите? – сказала она с приблизительно той же интонацией, с которой я говорил уборщицам, – трёте?

- Тащим.
- Ну и тащите, – с издевательским смешком она исчезла за дверью.

Пока мы карабкались по узким ступеням на сцену, в зрительный зал вошла Оксана Валерьевна.

- Ещё два стола надо поставить перед авансценой.
- В восемнадцатой больше нет столов, – ответил Саша.
- Возьмёте с двадцать первой.
- А массаж?
- Если я сказала – возьмёте с двадцать первой, значит, можно взять.

- Без проблем.
- Ну и хорошо, – сказала она, как я говорил уборщицам Таням.
- Кому хорошо, а кому и не очень, – проворчал я, удивляясь тому, как всё похоже.
- А оформление когда повесим? – прогундосил Сергей.
- Повесим.

Минут сорок мы ещё перетаскивали, устанавливали, подвешивали. Саня заменял в софите лампочку. Я включил аппаратуру. Динамики похрипывали, но для конференции сойдёт. Выступления обычно никто не слушает. Я убрал слишком высокие и слишком низкие, чтобы ничто не мешало людям дремать во время конференции и, наконец, почувствовал, что устал. Натоптался. Резко захотелось сесть и не двигаться. Я спустился в свою комнату. По пути мне снова встретилась Альбина Викторовна. Я машинально нашёл нужное выражение лица, пронёс его мимо её бессовестных глаз с надеждой, что с моими яйцами всё в порядке. Дерматинное кресло ждало меня в привычном углу. О, Господи! Ведь в том, что в Канаде в городе Торонто у меня может быть родственная мне старуха, нет ничего невероятного. Сколько украинцев в одна тысяча восемнадцатом году и позже уезжало за океан. В семье моей бабки было восемь детей. А двоюродные, троюродные, вверх, вниз и в стороны.... В моём воображении вырос громадный генеалогический баобаб, на ветке которого, как райская птичка, сидела маленькая девочка в соломенной шляпке.

– Константин Константинович, ну, как это можно назвать? Оказывается, в фойе хватит двух столов.

Я посмотрел на Сашу глазами больной коровы. Мне было не до него. Я блуждал аллеями собственного пансионата, любясь медью канадских клёнов.

- Заебала.
- Ну, и что? – спросил я.

– Надо столы со зрительного зала вернуть в двадцать первую комнату. А два стола из фойе занести в зрительный зал.

– Имейте совесть. Я, можно сказать, заслуженный деятель культуры. Мне пятьдесят пять лет, – спокойно, даже меланхолически, сказал я. – Попроси Сергея.

- Его Валерьевна услала в магазин.
- За водкой, – оживился я.
- За газированной водой.
- Точно заебала.

А собственно, что мне бабушка – самому уже пора задуматься о райских кущах. Как никак, пятьдесят пять идиёту! Но почему бы и не пожить на старости лет. Дорогую машину я бы покупать не стал. Что-нибудь простое и удобное...

– Константин Константинович?

– Что?

– Ну?

– Покури.

– Да курил я только что.

– Я в твои годы курил по-настоящему.

– Тогда сигареты были дешевле.

– Так ты деньги экономишь?

– И здоровье тоже.

– В твоём возрасте думать о здоровье полное жлобство. Со здоровьем, как и с деньгами, надо расставаться легко.

– Первый раз об этом слышу.

– Может быть, я действительно придумал что-то новое.

– Костя, Саша тебе сказал? Надо поменять столы.

– Да, сказал.

– Ну, и что?

– Ща поменяем.

Мы пошли в зрительный зал. В фойе из-за штор торчали две задницы Татьян. Они облокотились о подоконник и пялились на проезжающий по улице свадебный кортеж. С задниц свисали полы серых рабочих халатов. Попа Тани Скворцовой была ниже и шире, и спина у неё прогнута, как кавалерийское седло, а попа Тани Васнецовой выше, она горбилась и напоминала верблюда. Пока мы переносили столы, я почувствовал, что хочу есть, но на ум вместо еды начали приходить разные закуски: хлеб и маринованная килька, нарезанная крупными дольками цибуля, бледно-розовое сало, охотничьи колбаски, квашеная капуста с клюквочкой, кружочки лимона. Я понял, что я не просто хочу есть, но и выпить. Причём это было настолько очевидно, что я не стал себе возражать.

– Сань, а что если...

– Что?

– Что, что? Не взять ли нам малёшку.

– Зачем?

Я задохнулся от недоумения – более нелепого вопроса не выдумаешь.

– Как это зачем? Ты дожил до своих лет и не знаешь, зачем люди берут к обеду чекушку?

– К обеду? – задумался Саша.

– Ну да.

– Чекушку?

– Её, родимую.

– А не мало?

– Вот. Слышу слова не юноши, но мужа. Конечно, мало. Только, боюсь, всё упрётся в финансовый вопрос.

– Упрётся.

– Упрётся.

– Тогда чекушку.

– Нет. Перед трудностями нельзя отступить.

– Я думал заняться сегодня курсовой.

– Саня, рубикон пройден.

– Да?

– Да, – уверенно сказал я, и следующие пятнадцать минут мы посвятили сбору средств.

Больше всех дала Альбина Викторовна – целых три гривны – и чувствовала себя Христом, накормившим одной лепёшкой сколько-то там тысяч страждущих. Мы же на хлебе решили сэкономить, потому что в шкафу с позавчера ещё оставались чёрствые куски. Шкаф в моей комнате стоит у входной двери. Позиция очень выгодная, потому что, открыв его дверцы, оказываешься в зоне непросматриваемости, и в момент употребления ты не попадаешь на глаза начальству. Это свойство моей комнаты было знакомо Оксане Валерьевне, но ей даже нравилось, что мы прячемся. Прячутся – значит боятся, резонно думает она. Чёрт с нею, пусть думает, зачем зря дразнить собак. Стоя у шкафа, я нарезал колечками какую-то колбасу, почистил луковицу, раскроил на четыре части большое яблоко, свинтил с поллитры крышку и налил в стопки граммов по семьдесят водки.

Мы подходили по очереди к шкафу. Пили, закусывали, потом я снова наливал. Процесс отработанный и приятный. Моё место в дерматиновом кресле на правах хозяина неоспоримо, Саня или стоит, опёршись о динамик, или сидит на вращающемся стуле за ударной установкой. Он рассеянно водит ногтями по одному из барабанов, и тот оживает, наполняя комнату едва уловимым тугим звуком.

– Не балуйся.

– Константин Константинович, а можно у вас закурить?

– Кури, Саша, кури, родной.

Саша работает у нас в ДК года два или три – я точно не помню – и всё это время он кажется мне воспитанным человеком. Даже странно. Откуда у обыкновенного заводского электрика может взяться воспитанность. Не то чтобы он разрушал этим картину мира, но у меня в этой связи возникают в голове лишние вопросы. Зачем мне это надо. И вообще, человек не яйцо, из него вечно что-нибудь выпирает. Вот и попробуй его упаковать. Одна морока.

– Вы на конференции будете присутствовать, так сказать?

– Конечно, посижу, вдруг что-нибудь со звуком.

– А я хочу после обеда по-английски уйти. Как вы думаете, получится?

– Попробуй, – пожал я плечами.

Мозги заволокло тёплым паром. Первые минуты опьянения самые приятные, самые чистые, как подвенечное платье. Счастье только-только начинается.

– Конечно, иди, если тебе нужно.

– За эту зарплату мы и так тут... – начал оправдываться он. – Константин Константинович, вы не знаете, когда мы заживём как люди?

– Не знаю, Сань. Порассуждать, конечно, можно, но что толку. Не такие рассуждали, а воз и ныне там. Надо менять природу человека. Чтобы жить как люди, надо стать людьми.

– Нет, но ведь живут в Европе.

– Ничего не могу сказать. Во-первых, я в Европе не был, во-вторых, может быть, они и в самом деле другие, что-нибудь в мозгах не так, как у нас. А в общем, не думаю. Просто там раньше всё утряслось. Мне так кажется.

Я встал, подошёл к шкафу, налил ещё, выпил, постоял несколько секунд с закрытыми глазами. Потом бросил в рот кружок колбасы, отрезал кусочек яблока и возвратился в кресло. Саша тоже выпил, правда, с неловкостью воспитанного юноши. Пить с ровесником ему бы было проще, меня же несколько не смущало, что он сопляк. Я был сосредоточен на себе, хотя во мне не происходило ничего необычного.

Вошёл Сергей, вошёл без дела, понял, что мы пьём, и хотел уйти, но я его остановил. Он меня злил. Поэтому я чувствовал вину перед ним. Я не мог ни уважать его, ни любить, и виноват в этом был я сам, потому что внятного объяснения нелюбви я не находил. Сергею было около сорока, но можно было дать и тридцать и пятьдесят. Человек без возраста, без семьи, без нервов, без привычек и страстей. Безукоризненная машина по написанию шрифтов, афиш и прочей художественной мишуры, с ещё советской вышколенностью и с той же советской ограниченностью. Все ему хамил, а он думал, что так и должно быть, что это норма. Я тоже хамил, потому что он меня злил.

– Серёга, а Серёга, ты воду купил?

– Купил. А вы пьёте?

– Пьём, Серёга. Прости нас, грешных.

– Пейте, если здоровья не жалко.

– Не жалко, для себя не жалко.

– Это как?

– А вот так, представь, что пьёшь ты...

– Я не пью.

– Ты представь только. Ну да, как же ты можешь это представить, если не пьёшь. С тобой даже говорить после этого трудно. Ты не пьёшь, и я не могу объяснить тебе элементарные вещи. Пить необходимо так же, как знать таблицу умножения. О чём можно говорить с человеком, не знающим таблицу умножения. Ты ему говоришь – дважды два четыре, а он смотрит на тебя как баран на новые ворота. Так вот, если бы пил ты, а здоровье терял я – тогда бы действительно было обидно. Понял?

– Не-а.

– И не поймёшь. Неужели ты никогда не пил?

– В школе ещё.

– Ну и?

– Обрыгался.

– Вот что значит пить без чуткого руководства, понял, Сань? – я погрозил ему пальцем.

– Так я без вас и не пью.

– И не пей. Иди сюда.

Мы втиснулись в шкаф и приняли очередную дозу. В душе зазвучали меланхолические аккорды. Я включил плеер. Первая попавшаяся музыка показалась мне вполне подходящей. И без музыки было хорошо, но она добавила объёма.

Сергей заглянул в шкаф. Он, видимо, хотел есть, но у нас была только закуска, да и та уже заканчивалась.

– Возьми яблоко, – сказал я.

Он поколебался, взял кусок и с такой быстротой забросил его в рот, словно боялся, что тот вырвется из рук и улетит.

На музыку зашёл Петров.

– Тебя Вареньевна искала.

– Когда?

– Утром.

– Я её видел уже сто раз. Это что у тебя?

– Романтический джаз.

– Классно.

– Конечно классно.

В комнате становилось тесно, душно и накурено.

– Видели по телику вчера... придурков...

– Кого именно – там их много.

– Ну, депутатов...

В дверь просочилась жёлтая голова Леночки:

– Петров у вас? Фу, накурили... А что вы курите?

– У меня крепкие, – Саша продемонстрировал пачку.

– А-а, крепкие... Семён Григорьевич, там к вам пришли.

– Кто?

– Не знаю... Женщина какая-то.

Семён Григорьевич ушёл, потом вышел Сергей. Мы допили.

– Так я наверно того... на обед и больше не вернусь.

– Ради бога.

– А вы на обед не пойдёте?

– Не-а. Червячка заморил и хватит.

– Ну, я пошёл.

– Иди... Только по дороге не дыши ни на кого.

– Естественно.

Он ушёл, а я открыл форточку, достал из шкафа барабанные палочки и сел на вертящийся стул между барабанами. Расслабил плечи, прищурил глаза, так что лишь видел свет из окна и, вслушавшись в мелодию, стал ждать, когда она наполнит меня, дойдёт до кончиков пальцев. Вот очередной аккорд коснулся сердца, сердце как язычок колокола ударилось о стенку груди. Пальцы шевельнулись, мягко уронив палки на гулкие барабаны... тук, тук и ещё тук, тук... и цок-к-к-кы...

Я таял в музыке словно комочек сахара в тёплой воде. И, наверно, растворился бы совсем, если бы в комнату кто-то не вошёл. Это был кто-то, потому что я не открывал глаза, мне было неинтересно знать кто, я был занят таянием.

– Ой, я не вовремя, – услышал я любимый голос.

Да, я любил этот голос. Как все любимые голоса, он был необыкновенный, не поддающийся описанию.

– Лида, – я по-прежнему сидел запрокинув голову, с полузакрытыми глазами и осторожно водил палочками по барабанам. Выждав момент, я щёлкнул по тарелкам, ещё выше поднял подбородок и, дождавшись, когда звук утончится и осядет на стены, открыл глаза.

– Здравствуй.

– Я не вовремя?

– Да, ну. Балуюсь. А ты что?

– Меня Валерьевна послала. Видите ли, ей не нравится мой репертуар. А что я могу станцевать с этими крохами. Взрослые девчонки не ходят. Водят ко мне сопливую мелюзгу. Помогите найти какую-нибудь простенькую полечку: трам-там-там, трам-там-там...

– Для тебя с удовольствием. Прямо сейчас и найду.

– Можно и не прямо сейчас, – заподозрив, сказала она.

– Нет, найдём прямо сейчас.

Теперь от меня не так просто отделаться, тем более Лиде.

Однажды в незапамятные времена, когда липы возле ДК не были такими большими, а вместо пива я пил ещё в летний зной квас, на дерево у жёлтой бочки с сумасшедшим гамом опустилась стайка воробьёв. Я поднял голову и увидел среди горластых серых комочков голубого волнистого попугая. Вот так и Лида – голубой волнистый попугайчик. Я так боюсь, что её заклюют.

– А зачем польку? Танцуйте ламбаду – и просто и современно.

– У меня же кружок народного танца.

– Господи, да сейчас все народы танцуют одно и то же. Ну, кто танцует гопака? Ты можешь представить, чтобы где-нибудь на дискотеке танцевали гопака или польку?

– Тем более, нужно сохранить...

– Ерунда. Шестилетних детей надо учить двигаться, чувствовать ритм, а что они будут танцевать через десять лет, чёрт его знает. Это они сами будут решать.

– Я согласна. Но учить надо на каком-то примере, а народные танцы отточены.

Она права, чёрт возьми, или мне хочется, чтобы она была права, права всегда и со всеми. Пока я об этом думал, я, естественно, молчал, а пока молчал, спьяну забыл, о чём мы спорили.

– Так хочешь, я найду тебе ламбаду?

– Константин Константинович, давайте поищем польку – я уже настроилась на польку, – мягко сказала она.

Вот эта мягкость и делает её волнистым попугайчиком. Разве можно попугайчиков выпускать на волю? Посадить бы её в карман, отнести домой в просторную крепкую клетку и знать, что никакая зараза её не съест.

Она стояла у колонки в третьей позиции. Балерина, в нашем долбанном ДК балерина! Не засранная овечка, а тонкая изящная женщина, скорее всего придуманная мною самим. Что я о ней знаю? Да ничего. Ничего не знаю, и знать не хочу, чтобы не было между нами никакого мужа, двух детей с хроническим гастритом, долгов по квартплате и мечты о норковой шубе. В пятьдесят пять так трудно видеть в женщине идеал, почти невозможно. Я даже стараюсь не вникать в то, о чём она говорит. Пусть её голос будет просто звуком, любимым звуком.

Я заставил её сесть в своё дерматиновое кресло, но она опустилась бедром на подлокотник, положив руку на спинку. Я как мальчишка смотрел на её длинные груди, развёрнутые в стороны под оранжевым плотным свитером, на крепкую ляжку, на упругую линию руки, на кончик сапога, вздрагивающий в такт биению сердца. Идиёт, закрой рот, у тебя нет половины зубов. Я сел за рабочий стол, заставленный аппаратурой, выдвинул

ящик с фонотекой. На каждом диске сотни мелодий, где я ей буду искать какую-то польку? На это уйдёт уйма времени.

– Так, говоришь, польку?

– Ну да.

Какой звук!

– Польку... Когда же я слушал последний раз польку?... До тебя у нас вела кружок одна бабулька... помню, они краковяк танцевали. Это не одно и то же?

– Нет, Константин Константинович.

– Да я знаю, что не одно и то же. Лучше бы вы, ей-богу, ламбаду станцевали.

– Константин Константинович, я зайду на следующей неделе.

– Подожди... Думаешь, Ксении действительно важно, что вы танцуете? Это же просто так, для порядка, чтобы показать власть, чтобы убедить себя лишней раз, что она гоп-цобе, стеврюжина солёная.

– А вы не любите Оксану Валерьевну.

– Я бы сказал тебе, ласточка, кого я люблю, только это не имеет смысла.

– Почему? Любовь всегда имеет смысл.

– Боюсь, что не всегда.

– Неправда. По-моему, быть любимой, любить так здорово.

– А ты представь, что тебя полюбил какой-нибудь дебил – хорошенькое удовольствие.

– Причём тут дебил – вы же о себе говорите, о своей любви.

– Я? О какой любви?

– Ну, вы же сказали – я бы тебе рассказал, кого я люблю.

– Да ну, что за глупости. Никого я не люблю. Не хватало мне ещё любви, прости господи.

– Я пойду.

– Подожди.

Я вытащил первый попавшийся диск, вставил его в плеер. На нём оказалась попса десятилетней давности.

– Кажется, здесь должна быть полька, – соврал я.

– Константин Константинович, это, конечно, не моё дело, но вы ведь женаты?

– Естественно.

– А почему же вы говорите, что никого не любите.

– Потому что я женат уже тридцать лет. Тридцать лет, три месяца и три дня.

– Как быстро вы сосчитали. Я так не могу. Я замужем... так... август месяц...

– И ты по-прежнему любишь своего мужа?

– Как вам сказать?

– Вот и сказала.

– Что сказала? Ничего я не сказала. Люблю. Правда, думать об этом некогда. Забываешь.

– Вот и я забывал, забывал и окончательно забыл, что такое любовь. А если честно, то мне уже и неинтересно. Каждому возрасту свои игры. Сначала куколки и машинки, потом любовь, игра в честолюбие, и вот теперь я не знаю, во что бы мне сыграть ещё.

– А как же «любви все возрасты покорны»?

– У Пушкина есть один существенный изъян – ему никогда не было больше тридцати семи. Откуда ему было знать, что чувствует человек в пятьдесят пять лет.

– Вас послушаешь, и никак не хочется доживать до пятидесяти пяти.

– Глупости. Замечательный возраст. Никогда я не чувствовал себя таким свободным, как сейчас. «Нет счастья на земле, но есть покой и воля». Я начинаю это понимать. Нет, на этом диске нет, я точно помню.

Идиёт, на хрена ей твоё скуление.

– Я пойду, мне кажется, вы сейчас не найдёте.

– Лидочка, что за намёки. Это же обидно слышать, тем более от тебя.
– А что я?
– Ты думаешь, что я пьяный? Конечно, выпил. Ну и что? Я даже не признался тебе в любви, значит, я всё контролирую.

– А ну вас, Константин Константинович. Вас не поймёшь.
– Вот, кажется, здесь, здесь должна быть полька. Когда-то специально записывал для детского садика.

– Что у вас за манера дразнить.
– Ты это о чём? Найду я тебе полечку, сейчас найду. У меня их много: и польская полечка, и венгерская полечка, и французская... есть мелодии, под которые всё на свете можно станцевать – вальс, польку, канкан, всё зависит от темпа. А почему бы вам действительно не станцевать канкан. Забавнее всего смотреть, как детвора подражает взрослым. Представляешь, шестилетние девчушки... и канкан. Мне кажется, будет очень и очень... оригинально.

– Вас на клубничку потянуло?
– Маленькие пампушки с алыми губками в прозрачных голубых колготках...
– Почему вам хочется казаться хуже, чем вы есть?
– Все эти ваши польки в слежавшихся сарафанчиках – такой нафталин. Кому это надо!

Лида резко встала, но не ушла. Она повернулась к окну, опёрлась ладошками о подоконник, отставила ногу назад, касаясь пола кончиком сапога. Вид у неё был обалденный – спина выгнулась, а ягодицы так явственно и откровенно выпятились назад, что на них не было сил смотреть. И я посмотрел в окно. Там были жёлтые дома, чёрные штрихи ветвей, ветер, острая холодная пыль.

– А что я могу сделать? – сказала она.
– Не надо ничего делать. Сейчас я найду польку. Станцуете поживее, и всё будет хорошо.

Я подошёл к окну и остановился возле Лиды. Она мельком взглянула на меня и почему-то покраснела. В душе звучали духовые инструменты, и в этот момент в комнату вошла Оксана Валерьевна.

– Любезничаете? Ну, что ты, говорила?
– Да, ищем подходящую музыку.
– Давно пора. Репертуар надо обновлять.
Как не вовремя её принёс чёрт.
– Только не так, как Петров, – добавила она.
– А что такое?
– Готовил-готовил с девочкой новый номер, а сегодня мамаша пришла жаловаться. Оказывается, этот лысый чёрт щупает девчонку. Акробат хуев. Чем он думает, вы можете мне сказать? Не хватало, чтобы мамаша в прокуратуру написала.

– Вы серьёзно?
– Мне не до шуток. Нет, на кого-на кого, но на Семёна Григорьевича никак не похоже. Или, может быть, правду говорят, седина в голову – бес в ребро. Но не с малолеткой же. Выгону его к хуям.

Она не производила впечатления расстроенного человека. Скорее, наоборот, что-то её в этом удовлетворяло. Видимо ей, экс-бляди, нравилась сама тема, такая близкая и понятная. Меня же в эту минуту словно окатили холодной водой, нет – грязью. Холодной осенней грязью. Лида стояла испуганная, и не было уже в её фигуре никакого изящества. Мой волнистый попугайчик нахохлился и казался больным и несчастным.

Валерьевна сделала круг по комнате и направилась к двери. Лида неожиданно пошла за нею. Я молчал. Уже в двери Оксана Валерьевна повернулась и спросила:

– У тебя там всё настроено?
– А что?

– Ничего. Уже люди собираются... чтоб ты не бегал по сцене, когда начнётся.

Почему после водки всегда хочется пива. Я тоскливо посмотрел в окно на двери магазина. Сегодня торгует Люда. Наши отношения с нею прохладные. Мне не нравятся её выпуклые глаза. Что ей во мне не нравится, я не знаю, но чувствую, что что-то не нравится. Причём я знаком с женщинами с выпуклыми глазами, которые мне нравятся, а эта не нравится. Наверно, дело не в глазах, а в чём-то другом, я даже знаю в чём, но это очень сложно сформулировать. Но в долг она даст, думаю, даст, я надел пальто.

Ах, Петров, Петров, неужели нельзя удержаться, чтобы не запустить руку в промежность. А с другой стороны, когда этот тёплый душистый комочек кувырывается в твоих руках, как тут уследишь, чего касаются руки. Может быть, он ни о чём таком и не думал, хотя вряд ли. Я бы думал, я бы чувствовал, что у меня под руками, другое дело, что я, может быть, испугался, а Петров не испугался.

– Людочка, здравствуй, – тошнотворно сказал я.

– Здравствуйте.

Кажется, она уже поняла. Как опытные бляди всё знают о мужчинах, так опытные продавцы всё знают о покупателях.

– Люда, бутылочку пива... до завтра.

– Какое?

– Черниговское... светлое.

Она молча поставила бутылку на прилавок. А глаза у неё, действительно, как у жабы. Тоже мне, Крупская. Я вышел из магазина, сутулясь. Какая уж тут воля без денег.

В комнате ещё витал Лидин призрак. Чтобы не спугнуть его, я аккуратно прошёл в своё кресло, сел и приложился к бутылке. После водки... идиёт.

Почему она сразу ушла? В фойе нарастал шум голосов... В голове тоже появился знакомый по жизни звон, словно к мозгам подключили напряжение. Обидно. Не знаю за что, но обидно, хоть плачь. Никогда не бывает так плохо, чтобы не могло быть ещё хуже, говорят евреи. Мудрый народ. Чем бы я утешился, если бы не они. Спокойно, Константин.

В дверь как-то крадучись протиснулся Сергей.

– У вас это... яблока не осталось?

– Ну, как же, как же не осталось... Не знаю, посмотри.

Сергей нахально заглянул в шкаф, нашёл там ломтик яблока и, не поворачиваясь, стал жевать.

– Что, голод не тётка?

– Да я так... захотелось.

– Чудной ты какой-то, ей-богу.

– Чего?

– А хуй его знает чего.

– Там народу нагнали... А вы что, всю бутылку выпили?

Она попалась ему на глаза.

– Не лезь там, – не выдержал я. – Выпили...

Сергей помялся, потоптался на месте, словно притаптывая сырой песок, и молча ушёл. Я допил пиво, выключил музыку и собрался идти в зал. Но из-за выпитого пива пришлось делать крюк в туалет. В туалетном коридоре у окна стояла худрук. Она курила, и струйки серого дыма вырастали из её головы. Что-то мне не понравилось в знакомой тощей фигурке. Худенькие плечи торчали двумя острыми колышками. Обычная жалость к ней превратилась в боль, и я поторопился проскользнуть к писсуарам, но на обратном пути всё же подошёл и ласково коснулся плеч. Лена подняла на меня мокрое личико с большими покрасневшими глазами. Она ничего мне не сказала, и я ничего не сказал ей, только сжал тонкие плечи, сжал, наверно, очень больно.

Из розового кадиллака, с трудом становясь на ноги, выбралась ухоженная старуха, как две капли воды похожая на английскую королеву. Одной рукой она опиралась на руки

помогавшего ей мужчины, а другой поправляла съехавшую к затылку шляпу с красной лентой. Она сделала несколько шагов, подняла глаза на жёлтые кроны канадских клёнов и скрипучим голосом позвала:

– Джо...

Подошёл второй мужчина в чёрном макинтоше:

– Слушаю, мэ.

– Джо, в Украине должен быть мой внучатый племянник. Если он жив, отыщите его.